

А. И. Никифоров
Н. А. Никифоров

Красный

Александр Никифоров

Красный

«Издательские решения»

Никифоров А. И.

Красный / А. И. Никифоров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-505725-9

Если бы история нашей страны в 1917-м пошла не так? Революция захлебнулась в собственной крови, и Россия неспешно проживает свой Золотой век. Но история не прощает невыученных уроков, и спустя столетие Империя вновь оказывается под ударом. «Не дай Вам Бог жить в эпоху перемен» — смысл этой фразы предстоит понять молодому дворянину, случайно оказавшемуся вовлеченным в водоворот политических событий, происходящих в разрываемой терроризмом, иностранными агентами и собственной «пятой колонной» стране.

ISBN 978-5-00-505725-9

© Никифоров А. И.
© Издательские решения

Содержание

– ПРОЛОГ —	6
– Глава 1 —	8
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Красный

Александр Игоревич Никифоров
Никита Александрович Никифоров

© Александр Игоревич Никифоров, 2019

© Никита Александрович Никифоров, 2019

ISBN 978-5-0050-5725-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все события и персонажи книги выдуманы, и все совпадения – случайны.

– ПРОЛОГ –

Отдав приказ на захоронение тел, Паскаль отправился на катер «Ревущий». Если вчера вечером катер казался тесным, и присесть было негде, то теперь, когда Красовский возвращался в Петербург в одиночестве, он заметил, что эта была довольно емкая посудина. Седой старшина первой статьи в потертом бушлате один управлял на катере. Его молодой помощник еще вечером сбежал к восставшим матросам и сейчас, наверно, на Якорной спит пьяный, согреваясь у костра. Но Егорыч, так звали старшину, и один неплохо управлял своим катером. Привычным движением он скинул швартовые концы и перешел к штурвалу. Трижды перекрестившись, на виднеющиеся вдалеке купола церкви, отчалил от пирса.

Отдав приказ на захоронение тел, Паскаль отправился на катер «Ревущий». Если вчера вечером катер казался тесным, и присесть было негде, то теперь, когда Красовский возвращался в Петербург в одиночестве, он заметил, что эта была довольно емкая посудина. Седой старшина первой статьи в потертом бушлате один управлял на катере. Его молодой помощник еще вечером сбежал к восставшим матросам и сейчас, наверно, на Якорной спит пьяный, согреваясь у костра. Но Егорыч, так звали старшину, и один неплохо управлял своим катером. Привычным движением он скинул швартовые концы и перешел к штурвалу. Трижды перекрестившись, на виднеющиеся вдалеке купола церкви, отчалил от пирса.

– Да уж, натворили, вы, делов за эту ночь, – пробасил Егорыч.

Он говорил то ли намеренно громко, то ли по привычке пытался перекрыть звук работающего двигателя, но выглядело это угрожающе. И хотя Паскаль насмотрелся за эту ночь достаточно ужасов, общение со старым матросом вызывало какую-то внутреннюю тревогу, и он отсел в дальний угол каюты.

– Ведь я многих этих офицеров, что вы сегодня постреляли, сызмальства знаю. Я же почитай сорок лет без малого на перевозе работаю. Когда еще дамбу не построили, одна была дорога в Кронштадт, мимо меня никто не прошел. Они мальчишками еще почти все в Нахимовском учились. Набьется, бывало, полная коробочка. В черных бушлатиках, в бескозырочках, как скворцы, ей богу, и такой треск от них стоит, что мой «Ревущий» в «Тишайшего» превращался. А как у них, значит, каникулы начинались, это на зимнего Николу и на весеннего, все домой едут и мне подарки дарят, я ведь Николаем крещен.

От воспоминаний старик расчувствовался и тихонько утирал со щеки слезы замызганным рукавом.

– Ну, а как погоны офицеровские получают, так обязательно мне поставят бутылку водки или коньяку. «Это, – говорят, – Николай Егорыч, тебе. Чтоб было чем третий тост: „За тех, кто в море“ поднять, ну и нас в нем добрым словом помянуть». У меня после их выпускных ящиками это добро собиралось. А комендант, каков был! Прежде, чем на берег списаться, бригадой эсминцев¹ командовал в Желтом море, японцев как котят гонял. Там наград столько! Если все надеть, китель, точно, пуд весить будет. Так вот он меня на каждый праздник к себе домой приглашал. Подарков мне надарит и деньгами премию от комендатуры выпишет, за справную службу значит. А потом мы с ним по чарке выпьем, да по трубочке выкурим – табачок у него

¹ Эсминец – эскадренный миноносец, боевой быстроходный корабль

хорош был, кубинский. Он все время меня поддразнивал: «Ты, Егорыч, у нас прямо Харон²: всю жизнь перевозчиком служишь». Как в воду он глядел – я вчера только его в Кронштадт переправлял. Он в Питере в Адмиралтействе подзастрял, в связи с этой заварухой. Ну и решил не через дамбу, а катером возвращаться. Вот и повидались напоследок, отвез я его, получается, на этот остров смерти. Он еще у «стенки³» с Распутиным вашим все ругался, ну а потом, уже ночью, я вас злодеев привез на погибель русского флота.

Егорыч бросил на Паскаля ненавидящий взгляд, и тому опять стало жутко.

Он вспомнил, как адмирал, почти раздетый, в тельняшке, белых подштанниках и босиком вышел из шеренги на несколько шагов и начал говорить стоящим на трибуне членам Реввоенсовета и Матросского комитета: «Посмотрите, что происходит вокруг вас: пьяные, небритые, не по форме одетые. Это, по-вашему, матросы Балтфлота? Гордость России? И кто будет управлять всей этой взбунтовавшейся массой? Ваш мальчик – товарищ Красный, или вы господин Распутин?»

А потом все произошло, как в плохом кино, где актеры не выучили свои роли и играют отсебятину. Комендант сделал еще несколько шагов в их сторону и на фразе: «Вы Иуда и...» плюнул в лицо Распутину. В руке того при свете факелов мелькнул вороненый ствол. Четырьмя выстрелами движение адмирала в сторону Председателя Кронштадтского Матросского комитета было остановлено. Выстрелы моментально заглушили болтовню у костров, и над Якорной площадью повисла тишина. Комендант, с четырьмя пулевыми ранениями, лежал на гранитной брусчатке у памятника Макарову, выкинув левую руку вперед и, как бы, указывая на девиз Степана Осиповича «Помни Войну». Скорее всего, одна из пуль задела либо сонную, либо подмышечную артерию, потому как кровь, пульсируя, вытекала из-под ворота тельняшки, заливая ярко-алым цветом гранит и заполняя щели между брусчаткой кровавыми ручейками.

В эту минуту тишины Паскаль осознал, что миром это уже не закончится, и это была не последняя смерть за сегодняшнюю ночь. Но тишину прервал басовитый голос над ухом: «Товарищ Красный, товарищ Красный!» – кто-то сильно тряс его за плечо. Паскаль повернулся на голос, выходя из оцепенения, и увидел перед собой Егорыча. Оказывается, он заснул под его бормотание, и теперь тот никак не мог его добудиться.

– Все приехали, конечная, – увидев, что Паскаль приходит в себя, объявил он, – Видать, разморило тебя от бессонной ночи, все чего-то кричал во сне. Я грешным делом хотел тебя спящего выкинуть за борт, да пожалел – молодой ты еще, и сам не ведаешь, что творишь. Все, давай проваливай с палубы, не наводи старика на грех. И, не подав руки на прощание, подтолкнул его к трапу.

Оставшись один, Красовский не решился идти сразу в город. Он стоял на Николаевской набережной и пытался выстроить в хронологическом порядке все, что с ним произошло вплоть до сегодняшней ночи.

² Харон – в греческой мифологии, перевозчик души умерших через реку Стикс.

³ Стенка (морск.) – стационарный причал, сооружаемый в морских портах

– Глава 1 –

Паскаля от его мыслей оторвал странный звук: он точь-в-точь напомнил ему барабанную дробь из недавно увиденной им сцены казни Робеспьера и Сент-Жюста в одном фильме.

Он вздрогнул от этого перестука, который звучал где-то наверху. Подняв голову и прищмотревшись, он нашел виновника своего беспокойства – ярко красная шапочка большого черного дятла мелькала в кроне старого дерева. Еще минуты две Паскаль наблюдал за птицей, вслушиваясь, как дятел выбивает дробь своим клювом, и двинулся дальше, пытаясь собраться с мыслями. Он любил гулять в этом старом парке на Вышеграде. Здесь была какая-то особенная тишина, как будто дух самой княгини Либуше, которая и основала Прагу, ощущался в этом историческом месте. Находясь в стороне от главных туристических маршрутов, Вышеград был лишен ужаса людской суеты. Даже когда туристы появлялись здесь, то они спешили по главной аллее сфотографироваться у ротонды Святого Мартина, построенной где-то в XI веке. Потом они бежали к красивейшему храму Петра и Павла, забегая при этом на Вышеградское кладбище, где похоронены люди, прославившие чешский народ: Бедржих Сметана, Антонин Дворжак, Альфонс Муха, Карел Чапек и многие другие выдающиеся люди. Конечной целью этого туристического маршрута была южная стена замка, нависающая над Влтавой. С этой стены на самом деле открывался потрясающий вид на Прагу. В общем-то, именно сюда и шел сегодня Паскаль. Он всегда, уезжая из дома, приходил сюда посмотреть на пражский закат. Но так как было еще рано, он решил погулять по парку.

Хотя Красовский и обожал Прагу, но родился он не здесь. Отцом Паскаля был потомственный польский дворянин Кирилл Красовский. Семья Красовских, может, и не была богатой, но они были очень именитым родом и даже имели в своей родословной отношении к королевской династии Ягеллонов, чем всегда гордился дед Паскаля – природный князь Каземир Красовский.

Мать Паскаля, Елена Ивановна Любич, была русской графиней. Хотя она родилась и выросла в провинциальном Оренбурге, её род был очень именитый. Бабушка по материнской линии служила в свое время фрейлиной её Императорского Величества, а дед, Владимир Иванович, был кадровым офицером, сыном прославленного генерала от инфантерии Ивана Семеновича Мальцева. Который вместе с Алексеем Алексеевичем Брусиловым брал Берлин и, потом в составе военно-политического блока Антанты, подписывал Акт о капитуляции Германии.

Они могли бы долго и счастливо прожить в Петербурге, но Владимир Иванович случайно, а может и не случайно, попал на собрание «Русского общества офицеров за либеральную Россию», после чего был выслан вместе с женой в Оренбург для прохождения дальнейшей службы. Там и родилась Анна, мама Елены Любич, человек с тонким художественным вкусом, тихим и спокойным характером. В отличие от своего будущего мужа Ивана Петровича Любича.

Это сейчас он наказной атаман Войска Яицкого, а тогда – молодой хорунжий, гуляка и первый драчун в Оренбурге. В него были влюблены все первые красавицы города, а он волочился за тихоней Мальцевой. Делал он это хоть и с размахом, но как-то неуклюже. То пришлет ящик шампанского, как будто Аня должна пить каждый день, вспоминая своего воздыхателя. То пришлет целую корзину лилий, на которые у девушки была аллергия, и она, задыхаясь,

выносила цветы в сад. То среди ночи притащит толпу цыган под окна любимой, и ромалэ⁴ поют до утра, а сам хорунжий обязательно борется с медведем. Долго таких выходов ни сама Анна, ни ее родители вынести не могли и решили отправить ее к родственникам в Петербург. Когда Аня уезжала, выяснилось, что Иван Петрович подкупил возницу, и девушка приехала не на вокзал, а к драматическому театру, где в кругу друзей и прочих горожан Любич попросил у неё руку и сердце. Анна неожиданно ответила ему согласием, чем немало удивила оренбургское общество, особенно своих родителей, но возражать никто не стал. Ведь Иван из древнего казачьего рода, его прапрадодитель – Андрей Любич еще с Ермаком Тимофеевичем на Кучумхана ходил, и потом, спокон веку на Урале атаманствовали Любичи.

Неуёмный характер Иван Петровича сказывался и на воспитании дочери: он уже с трех лет брал её с собой в летние лагеря, учил сидеть в седле, стрелять из всех видов оружия. Лена в шестнадцать лет даже выиграла чемпионат Российской Империи по стендовой стрельбе, чем очень порадовала отца.

Атаман, конечно, очень ждал сына, но бог ему дал только одного ребенка, и он был счастлив, что Лена всегда прислушивалась к нему, и исполняла его наставления и даже прихоти. Но как говорится: если все так хорошо – это уже плохо. Вот и Иван разругался с дочерью, в конце разругался, вывернул себе душу, вырвал сердце и головы лишился. Выставил любимую дочь за дверь: «Знать тебя больше не хочу». А всему причиной был Кирилл, который неожиданно ворвался в семью атамана.

В двадцать лет Лена поехала на Чемпионат Европы по стрельбе в Краков, в Германию. Выступала там успешно и могла выиграть первенство, если бы не старший судья на площадке, который с самого начала отнесся к ней предвзято. Сначала ему не понравилось положение ног при выполнении стрельбы, и он поднял желтую карточку, потом потребовал извлечь патрон из ружья для проверки. Все это создавало нервозность на площадке, и последней каплей стало признание судьей мишень «НЕПРАВИЛЬНОЙ» и распоряжение её повторить. Любич кинулась к судье, пытаясь доказать свою правоту, и тут же ей подняли зеленую карточку. Забыв главное спортивное правило: «С судьёй не спорят», – Лена перешла на личности, процедив сквозь зубы «курва», что для польского князя было смертельным оскорблением. Он обратился к главному судье, и спортсменка была дисквалифицирована.

Расстроенная, она дошла до ближайшего бара, заказала водки и начала заливать горе. Позвонила отцу, тот ее подбодрил, мол: «Мало мы этим ляхам⁵ в свое время под хвост надавали. И вообще, я бы на твоём месте еще бы и пальнул в эту сволочь». Получив моральную поддержку отца, Лена продолжила пить, и где-то между восьмой и девятой рюмкой за ее стол уселся тот старший судья и по-хозяйски налил себе и ей.

– На здоровье, пани, – и опрокинул стопку.

Такой наглости она не ожидала и начала скандалить:

– Ты чего здесь мою водку пьешь?

⁴ Ромалэ – цыгане

⁵ Ляхи – поляки

– Да не вопрос, – ответил Кирилл, и на столе появилась еще одна бутылка. А дальше было как в тумане: они что-то еще пили, Лена ругалась, потом куда-то поехали. Была громкая музыка, она пыталась танцевать, а в какой-то момент просто отключилась.

Требуя: «Воды и тазик», – Лена проснулась в огромной спальне, обставленной со вкусом. Спальня была с прекрасным видом в сад из окна, но это было вторично, сейчас ей был нужен только тазик.

С тазиком у кровати стоял вчерашний судья. Это обстоятельство только усилило рвотные позывы, девушку вывернуло наизнанку: как будто желудок, печень и остальные органы упали в таз. После она опять вырубилась, проспав, еще часов пять. Разбудил ее запах свежесваренного кофе, он не раздражал, даже скорее наоборот привлекал.

– Господи, где я? – простонала Лена.

– Вы, милое создание, находитесь в имении князя Красовского, – ответил ей человек, сидящий за столом. Он пил ароматный кофе и запивал его холодной водой.

– Вставайте, дорогуша, уже полдень.

Все было как наваждение. Следующие три дня они провели вместе. Кирилл признался, что влюбился в неё, когда она на площадке с ружьем наперевес с ненавистью в глазах оскорбляла его. Просто вылитая амазонка. И он пошел за ней следом в тот самый бар. Когда опасность быть избитым бутылкой миновала, он присоединился к ней, а в конце вечера отвез ее к себе домой. Он все три дня так красиво объяснялся в любви, что Лена не смогла удержаться и дала согласие стать его женой.

Вот так она надолго потеряла связь с отцом. Иван Петрович не мог простить дочери такой выходки: у него на примете были такие женихи-красавцы – казаки чистых кровей, косая сажень в плечах и, главное, они были русские. А тут какой-то лях: соплей перешибить можно.

– Да он мизинца моей дочери не стоит, – доказывал он Анне Владимировне. – Да, если он сюда сунется, я его шашкой зарублю. Нет, я их обоих зарублю!

– Вань, не грехи, – успокаивала его жена, – Ты вспомни, как ты меня в жены забрал, вообще можно сказать, что украл.

– Что ты ровняешь! Я казак. Я русский! Да пусть бы и ее такой же украл, слова бы не сказал. А тут шляхта какая-то... Все, не тревожь мне душу – сказано зарублю, значит зарублю, – и запил атаман горькую. А жене велел передать молодоженам, чтоб ноги их не было в его доме. На том и порешили.

Но Елену Ивановну не смутили слова отца, она вышла замуж за князя Красовского. А еще через год родился Паскаль. В это время они из Кракова переехали в Прагу, где Кириллу предложили хорошую должность в Министерстве финансов.

Собственно говоря, почему такое необычное имя? Это было желание Елены. Она в детстве увлекалась французской литературой: Дюма, Гюго, Бальзак, Сент-Экзюпери. А во время учебы она слыла лучшим математиком, ее даже дразнили в школе Софьей Ковалевской. Она

очень интересовалась работами Блеза Паскаля, особенно ее зацепила, изобретенная им, суммирующая машина. Лена считала его волшебником, который открыл язык цифр и смог создать практически первый компьютер. И тогда она пообещала себе: «Моего сына будут звать Паскалем». Это конечно была детская фантазия, но когда пришло время давать имя ребенку, оно само всплыло в ее голове, да и Кирилл не возражал.

Семья Красовских купила в Праге хороший дом рядом со Страговским монастырем на улице Белогорской. Это историческая часть города, именно отсюда начинаются многие туристические экскурсии. Так называемая «прогулка по спуску» очень приятная – спускаешься себе с холма и осматриваешь достопримечательности. Туристическая река ежедневно нескончаемым потоком течет с Поголельца до Мала страны.

Паскаль с детства наблюдал за иноземными туристами: индусы в тюрбанах, мексиканцы в сомбреро, фотографирующие все подряд японцы, дисциплинированные китайцы, ну и, конечно, абсолютная им противоположность – русские.

В доме у Красовских говорили только на русском языке: так завела Елена Ивановна. Однако, Паскаль мог вполне сносно говорить на польском и чешском. Потом, в школе он прекрасно изъяснялся на немецком. Даже писал на нем стихи, но именно русский он считал своим родным.

Когда было свободное время, Паскаль любил пристроиться к русской тургруппе и слушать, о чем говорят эти чуть безбашенные люди из такой загадочной, но в тоже время родной России. Они были немного шумноватые, как итальянцы, но очень щедрые – в отличие от других. Узнав, что мальчик говорит по-русски, его задаривали всякими сладостями и сувенирами, а иногда давали русские деньги. Тогда он шел и менял рубли у арабов по хорошему курсу на дойчмарки, а потом опять покупал сладости. Мать очень ругала его за такие походы с туристами: «Ты, что нищий ходишь, собираешь милостыню?» Отец наоборот поддерживал: «Не наговаривай на ребенка, Елена, он же не выпрашивает, его угощают. Как там у вас говорят: дают – бери, бьют – беги».

Когда Паскаль немного подрос, его отдали в Пражскую художественную академию, где он прозанимался 8 лет. Он все же не был гениальным художником потому, что за столько лет он так и не научился писать портреты. Зато он лучше всех остальных чувствовал цвет, за что его часто приводили в пример. В этом, наверное, он был талантлив. Поднявшись на Петершинский холм с этюдником, он мог и не раскладывать его, а просто стоять часами и любоваться Прагой с высоты холма.

Отец к тому времени занимал уже высокий пост в Министерстве финансов. Часто был в командировках в Берлине, иногда он брал с собой Паскаля. И здесь Паскаль видел разницу: Прага – очень красивый город, но она, как разухабистая девка, веселая, гуляющая, полная туристов, толпящихся на улицах города. Берлин же был именно имперским городом, никаких тебе цветочков, флажков, рюшечек, ровные газоны, прямые дороги, чистые тротуары, а флаги, если и висят, то только государственные и на учреждениях. Нет празднующихся людей, днем все на работе, и порой на несколько кварталов не встретишь ни одного прохожего.

Елена Ивановна к этому времени тоже устроилась на работу при посольстве Российской Империи, отвечала за организацию встреч высоких гостей. Она тоже могла взять Паскаля с собой, и такие приглашения он очень любил. Приезжают видные политики и главы госу-

дарств, можно услышать много интересного, а иногда даже познакомиться лично. Эти встречи и натолкнули Паскаля на мысль о будущей профессии. Он, окончив гимназию, поступил в Высшую школу экономики на факультет Государственного управления и экономической политики.

Паскаль был достаточно прилежным студентом и хорошо учился, но его бакалаврская работа на тему «Роль дворянского сословия в государственном управлении» не была оценена по достоинству. Все преподаватели, как один, утверждали, что с такими идеями Паскалю нечего делать в свободной Европе: единственная страна, где такие ретроградские мысли еще могут найти воплощение – это «отсталая» Россия.

Россия хоть часто и оглядывалась на Европу, всегда шла своим путем. Европейцы до сих пор припоминают высказывание русского императора Александра III в Гатчине на Карпином пруду: «Когда русский царь удит рыбу, Европа может подождать». Он, таким образом, дал понять иностранным послам, что не надо беспокоить не самого императора конечно, а Россию в его лице. Но Европа не услышала или не захотела услышать императора.

К сожалению или к счастью для Европы, Александр III правил всего 14 лет и скончался после болезни. В этот скорбный период для России началось «Второе смутное время». Николай II, в отличие от отца, был мягким и добрым человеком, просто душа. Настрой у него был либеральным, и он сам начал искать дружеские отношения с европейскими державами, забыв слова отца, что у России в союзниках могут быть только русская армия и флот.

Этим настроением тут же не преминули воспользоваться противники Российской империи. 27 января 1904 года грянула русско-японская война, а следом и революция 1905 года.

Николай II понял, что допустил слабинку и начал затягивать гайки, но было уже поздно, маховик либерально-революционной вакханалии был запущен. Германия, объединенная Бисмарком, начала диктовать свои условия Европе, что повлекло сначала конфликт, а потом и ужасную кровопролитную войну.

Россию, одну из главных участниц антигерманской коалиции, в это же время пытались разорвать изнутри немецкие наймиты⁶, организовав рабочие стачки, демонстрации и забастовки. Революционное движение в те годы возглавил гениальный оратор и политик, революционер и провокатор – Лев Троцкий, который на деньги Германии успешно расшатывал ситуацию внутри России. Воспользовавшись тем, что императора предало его ближайшее окружение во время февральской буржуазной революции, и он вынужден был подписать отречение от власти, Троцкий смог быстро сориентироваться в ситуации и начать брать власть в свои руки.

Революционеру удалось фактически развалить дееспособность российской армии, создавая на фронте согласно Приказу №1 «Петросовета» солдатские комитеты, которые сами решали, подчиняться приказам офицеров или нет. Они устраивали братания с немцами в окопах, агитировали солдат заканчивать войну и расходиться по домам. Власть в Петербурге захватили рабочие и матросы Кронштадта, по всей стране прокатилась революционная волна. Во всех городах Империи власть переходила к рабочим, входящим в ревкомитеты.

Казалось, что все у Льва Давидовича получилось: буржуазная власть смята и уже нет никакого сопротивления, так как регулярная армия воюет в Европе. Просчитался Троцкий

⁶ Наймиты – наемники

только в одном, и это просчет разрушил все его планы. Троцкий свято верил в рабочий класс, но никогда не доверял крестьянству. По его мнению, рабочие были той единственной силой, которая не только смогла бы захватить власть, но и удержать её. Несознательное же крестьянство само должно было постепенно примкнуть к движущей силе революции. «Рабочий гегемон сменит всю эту дворянско-помещечью сволочь», – говорил Троцкий.

Он был хорошим оратором и гениальным революционером. Но, видно, был плохим математиком, ведь на тот момент рабочий класс составлял всего 10 процентов населения, а крестьянство – 80 процентов. Пообещай Лев Давидович землю крестьянам, и дело было бы в шляпе, но Троцкий с детства не мог терпеть крестьян.

Сын крупного землевладельца хорошо знал их быт. Он до 9 лет прожил в Яновке Херсонской губернии, никогда не находил общий язык с крестьянскими детьми. Те его били, отбирали деньги и дразнили жидовской мордой. Отец не хотел в это вмешиваться и поучал: «Сам разбирайся с этой челядью. Со временем тебе быть хозяином на этой земле, вот и учись выстраивать отношения». Но отношения только ухудшались, что и заставило девятилетнего подростка покинуть родительский дом и уехать в Одессу. Однажды деревенские подростки на праздник Троицы позвали Леву гулять с собой на речку. Сначала все было весело и даже дружелюбно. Хлопцы постарше раздобыли где-то самогонку и наливали по чуть-чуть, а девочки раскладывали закуску. А потом мальчишки раздели Леву донага и выставили перед девочками: «Девитесь, як жид обрезанный выгляде». Девочки, краснея и глупо посмеиваясь, рассматривали голого Леву. Здесь-то и родилась эта обида на глупых крестьян. Троцкий даже не так был обижен на мальчишек, которые его побили и раздели, больше его детское самолюбие задел девичий смех.

И вот теперь этим недочеловекам надо отдать самое ценное российское богатство – землю. Нет, «Вся власть рабочим!» – этот лозунг был локомотивом революции. Но мало было взять власть в такой огромной империи, надо было еще как-то кормить эту страну.

Введенная продразверстка подняла волну крестьянских бунтов. На Тамбовщине забрали не только излишки хлеба, но и посевной фонд, и вывезли на станцию Иноковка. Да вот беда, где-то под Ртищевом разобрали железнодорожные пути, и движение поездов остановилось. А тут еще влили дожди, и зерно как стояло на подводах на перроне, так там замokло и загорелось. Ладно, еще отдать зерно голодающим, но такого варварства крестьяне не смогли стерпеть. Началось восстание под предводительством эсера Антонова, его поддержало Донское казачество, потом восстала Кубань. Собралось ополчение, которое сначала двинулось на Москву, сметая на пути весь этот новый революционно-рабочий режим. Захватив Москву, восставшие обратились к Царю, дабы он отказался от своего отречения и вернулся на трон. Николай II видел, как новая власть под руководством Троцкого и германцев разоряет империю, так что долго уговаривать его не пришлось. Императора перевезли из Тобольска в Сергиев Посад, и он снова взошел на престол.

Окрыленное успехами и возглавляемое теперь еще и государем, ополчение двинулось на Петербург. И тут им в подмогу генерал Краснов с 3—им казачьим кавалерийским корпусом ударил по Петербургу, со стороны Царского Села, и через месяц власть в России была восстановлена.

Такой исход событий коренным образом изменил положение на фронте. Были упразднены солдатские комитеты, комиссаров отдали под трибунал, закончились братания с герман-

цами, и армией снова начали управлять кадровые офицеры. Солдаты, получавшие письма из дома узнали, что произошло у них на родине в период бурной деятельности Троцкого и с удвоенной силой громили немцев. «Мы тут с ними шнапсы пьем, и интернационалы поём, а они за нашей спиной революции у нас делают, хлеб наш забирают да мамков с женами обижают», – рассуждали в окопах солдаты. – «Да этих фрицев голыми руками за такую измену подушить надо».

И с таким настроем русские войска уже в феврале 1918 года штурмовали Берлин, а на Сретение эти солдатики расписывали своими именами Рейхстаг. Таким прекрасным блицкригом была закончена эта затянувшаяся на четыре долгих года война. Позже в России ее нарекли Великой войной, и день капитуляции Германии сделали выходным днем. Поставив точку в этой войне, Россия изменила и геополитическую расстановку в Европе. В состав Российской Империи вошли Словакия, Венгрия, юго-восточная часть Румынии и Болгария. А главным триумфом стало то, что у Османской империи наконец-то забрали Константинополь. Вот так Великая мировая война укрепила Российскую империю, сделав её самой могущественной страной в мире, и таковой она являлась вот уже последние сто лет.

Германия на тот момент, униженная и разоренная, но с несломленным духом, начала постепенно восстанавливаться. А так как ей двадцать лет по конвенции запрещено было иметь армию и развивать военную промышленность, то она сделала упор на новые технологии. Было создано пять крупнейших автомобильных концернов, построено четыре авиапредприятия, а также три тракторных комбината. Если посмотреть со стороны – идеальная промышленно-индустриальная страна. Но тракторные комбинаты можно мгновенно перепрофилировать в танковые заводы, авиаконцерны способны создавать не только гражданские самолеты, а автомобиль, вообще, средство универсальное и может пополнить любую мотострелковую часть. На этих предприятиях готовились индустриальные кадры: инженеры и квалифицированные рабочие, которым запустить линию по производству автоматов, пушек и снарядов было плевое дело.

Российская разведка постоянно информировала Императора и глав содружества, что к этому все и идет. Но Англия с Францией, не получив никаких преференций в Великой войне, в отличие от России, пропускали эти сообщения мимо ушей. Не исключено, что и специально не замечали, в тайне надеясь, что Россия будет в новой войне главной жертвой. Поэтому не проводились международные инспекции на предмет реконверсии промышленности. И вот в 1938 году, как по мановению волшебной палочки, или по докладу русской разведки, все германские предприятия перестроились на выпуск военной продукции, в стране прошла всеобщая массовая мобилизация. К лету 1938 года, это уже была не страна-производитель машин, а страна-машина, причем военная машина с железными крыльями, стальными кулаками и пороховой начинкой. Три года оставалось до Второй мировой войны, когда Германия сделала пробный ход и аннексировала территорию Чехии. Россия была единственной страной, которая возмутилась этому захвату, все остальные сделали вид, что ничего не произошло.

Тогда император Алексей Николаевич подписал с кайзером Германии пакт о ненападении. И сделал заявление для всего мирового сообщества: «Ни одна страна не стоит смерти одного российского солдата». Таким образом, Россия избежала очередного кровопролития. Она, конечно, поддерживала своих бывших союзников по Антанте, но экономически: техникой, продовольствием, обмундированием и денежными кредитами. Немцы пытались устроить несколько локальных конфликтов на территории Венгрии и Словакии, но Россия жестко отреагировала и потребовала исполнения соглашений, и Германия больше даже не смотрела

на восток. Зато на западе развернулась в полную мощь и вот уже Дания, Голландия, Бельгия попали под их юрисдикцию. Но основной удар немцы готовили против своего главного врага – Франции.

22 июня 1941 года германская армада вторглась в Эльзас. Французы, при поддержке военных корпусов Англии и США, сдерживали наступление, но окончательно остановить эту машину они так и не смогли, и 3 января 1942 года Париж капитулировал. Австрия, являясь союзником Германии, захватила Хорватию и Боснию, а Италия вторглась в Словению. Сербия, оказавшись в такой щекотливой ситуации, просила Россию ввести войска на её территорию, но Алексей II был вынужден отказать, сославшись на договоренности не вступать в военные конфликты. Зато российские дипломаты смогли договориться с Германией о том, что Сербия и Греция не будут подвергаться нападению, так как обе эти страны православные, и Россия просит не нарушать и без того хрупкий религиозный мир. Германский канцлер удовлетворил прошение с условием, что эти страны будут держать нейтралитет, на том конфликт был исчерпан. В дальнейшем немцы прибрали к рукам Испанию и Португалию. Из всех крупных держав только Англия смогла сохранить независимость. Королевский флот при поддержке армии США смог сдержать натиск «Кайзерлихмарине⁷», и хотя Лондон подвергался массовой бомбардировке, дальше этого дело не пошло. Так к началу 1945 года Европа почти полностью была подчинена Германии.

Все ждали, что после покорения континентальной Европы, Германия начнет строить Тысячелетний Рейх, однако этого не случилось. Практически сразу после окончания войны, Германия объявила, что дает полную свободу покоренным странам, при единственном условии – все они вступят в новый экономический союз «Объединенная Германская Уния». Германия обязалась не влезать во внутренние дела своих сателлитов при условии, что они откроют перед ней свои рынки и разрешат беспопышную торговлю немецкими товарами. Выбора у побежденных стран в любом случае не было, и они не заметили, как за 70 лет Германия постепенно расширяла свой контроль над ними, ввела единую валюту на территории Унии и с помощью экономических рычагов получила практически полный контроль над действиями правительств «независимых» государств.

Та же Франция или Чехия имели своего президента, избираемого на вполне себе честных выборах, но независимо от их результатов, победитель вольно или невольно следовал курсу, который проводила Германия.

Демократические перемены коснулись и внутренней политики в самой Германии. Кайзер потерял большую часть своих полномочий, выполняя скорее представительные функции, чем исполнительные. Высшее сословие лишилось большинства своих полномочий в управлении государством, а дворянские титулы стали, скорее красивым дополнением к фамилии. Парламент был местом для жарких дискуссий, где левые могли спорить с правыми, социал-демократы с либертарианцами, даже для коммунистов там находилось место. Лишь так называемый «восточный» вопрос никогда не ставился под сомнение. Россия должна быть уничтожена. Как когда то Карфаген пугал Рим, так теперь Россия была главным страхом для Германии.

Им никак не давало покоя, что всего лишь 500 миллионов россиян владеют 40% всех природных ресурсов планеты и занимают 15% площади всей суши на земле. А еще имеют свои колонии в Азии и Африке, ведут переговоры с США по возврату Калифорнии и Аляски.

⁷ *Кайзерлихмарине – военно-морские силы Германской империи*

В Германии еще были свежи воспоминания, как Троцкий в опломбированном вагоне с каким-то жалким миллионом дойчмарок, чуть было не принес на блюдечке всю эту махину к германскому столу.

Немецкие аналитики на протяжении ста прошедших лет изучали свои ошибки и просчеты, искали бреши в российском законодательстве, но главное искали людей, которые могли бы разорвать Россию на куски. Им нужно было изменить политическое состояние этой страны, да и всего мира в целом. Двадцать идеологических центров неустанно работали на территории Германии. Там готовили оппозицию для Российской империи: где латвийских, где грузинских, где болгарских фрондеров. Очень помогали поляки, постоянно устраивая бунты и политические демонстрации с требованием свободы. Польские пограничники не мешали, а скорее способствовали контрабанде на российских границах. Через их территорию забрасывалась запрещенная литература, оружие и взрывчатка, фальшивые рубли и дойчмарки, а также огромный поток нелегалов, ищущих в России лучшей жизни.

Жандармерия Российской империи без продыху днем и ночью вылавливала террористов, которые пытались взорвать, то газовую магистраль «Сила России», то нефтепровод «Великая Россия». Если крупных аварий удавалось избежать, то теракты на транспорте и взрывы многоэтажек в крупных городах периодически случались. Фальшивки подрывали финансовую экономику, и министерству финансов срочно приходилось переводить все расчеты в электронный формат, почти полностью отказавшись от бумажных денег. Все это вредило, мешало, но самым неприятным было постоянно промывание мозгов молодежи: «Радио Свободы», «Интернет Свободы», «Голос Германии». Правда, пока у российской оппозиции не было явного лидера, со всем этим негативом можно было бороться.

Паскаль многое знал об историческом прошлом и о сегодняшних событиях, происходящих в Российской Империи, но одно дело знать, другое самому попасть, да еще и окунуться в водоворот событий, о которых он сейчас и не догадывался.

Стоя на краю стены крепости Вышеград, сложенной из красного кирпича, Паскаль наблюдал закат, в этот вечер огненно-красный диск как будто завис над Влтавой и всё не хотел сваливаться за Петршинский холм, окрашивая русло реки кровавым цветом. В это время на зеркальную гладь воды налетела рябь, и ветер погнал алые волны к городу.

Холодный воздух ударил в лицо, порыв был настолько сильным, что пришлось закрыть глаза. Но картинка кровавой реки запечатлелась как на фотографии. Несколько секунд он простоял так, а когда ветер стих, и Паскаль открыл глаза, то солнце уже почти село. Это видение нагнало какую-то тревогу или тоску, он вспомнил, как чуть раньше дятел своей трескотней, тоже заставил его поволноваться, и чтобы как-то успокоиться, он решил пешком прогуляться по любимому городу.

Пройдя через Карлову площадь мимо дома Фауста, дойдя до бара «У Суду», Паскаль взял две кружки любимого «Портера». По Водичковой улице вышел на главную площадь Праги. У памятника Святому Вацлаву всегда было много народу, туристы фотографировались на фоне возвышающегося здания музея, пражане назначали здесь место встречи, а количество драгдилеров⁸, предлагающих траву, могло сравниться только с Амстердамом. Прямо у «Старбакса» на Паскаля наскочил негр, одетый в малиновый костюм и ярко красный плащ. Это

⁸ Драгдилер – наркоторговец

нелепо выглядящее существо, видно приняло его за богатого туриста. Он на распев причитал: «Пан, Кабаре! Пан, Девочки!» и прыгал перед Паскалем, размахивая руками, плащ хлопал как крылья, что придавало ему вид бабочки «павлиний глаз». Пришлось крепко выругаться на чешском, чтобы этот представитель чешуекрылых отстал. Пройдя еще немного по центру города Паскаль, утомился от туристов и этих зазывал в кабаре и казино, он свернул на трамвайную остановку и поехал домой. Завтра в это время он будет уже в Петербурге, где его будет ждать его друг Виктор Лаптев.

Виктор приезжал в Прагу по программе обмена студентами, у него была та же специализация, что и у Паскаля. В том году приезжало пять россиян, но его Красовский сразу выделил из всех соотечественников, которые в первый же вечер растворились в пивных, кальянных и казино Праги. Возможно, кто-то из них и посещал первые лекции в университете, но Паскаль этого не заметил. Виктор же ходил исправно, постоянно консультировался у преподавателей по непонятным темам, а те потихоньку спихнули его на Паскаля, как на лучшего ученика курса. Вот так они и сблизились.

Правда, Виктор почти не пил, чем сильно удивил Паскаля, который привык видеть пьяных русских туристов, устающих пить только под утро. Да и будучи ребенком, в гостях у деда в Оренбурге, он видел нескончаемые застоля. Не сказать, чтоб чехи были трезвенниками, но для них главным напитком было пиво, он и сам любил пропустить 2—3 кружечки, а вот Виктор был другой.

За полгода всего лишь несколько раз он вытащил Лаптева в свою любимую пивную «Будвайзер», да и то Виктора там больше привлекало «вепржево колено» от местных поваров и ему хватало маленькой кружки, чтобы просто запивать жирную пищу.

Зато их сблизало духовное взаимопонимание, что-то такое близкое и родное было в этом человеке, они смеялись над одними шутками, а также осуждали одинаковые проступки. Оба были увлечены Ремарком и Булгаковым, восхищались политическими работами Макиавелли⁹ и не понимали балет и оперу. Целыми днями они мотались по Праге, и Паскаль показывал её такой, какой знает город только истинный пражак¹⁰, а туристы просто не догадываются свернуть на ту улочку или в тот переулок, где ты остаешься один, и ощущение XV – XVI века само по себе накатывает на тебя.

Во время таких прогулок Лаптев восхищался демократической формой управления в государствах Объединенной Германской Унии, на что Паскаль в свою очередь, будучи убежденным монархистом, заявлял, что демократия, как форма правления, недееспособна.

– Что ты можешь знать об абсолютной монархии? – возмущался Виктор, – это сплошной застой в развитии государства, эти пожизненные дворяне – казнокрады, занимающие высшие посты в стране. Где здесь может быть развитие?

– А с чего ты взял, что в Германской Унии нет казнокрадов? – возражал ему Паскаль, – и эта свобода, о которой ты постоянно твердишь, просто развращает людей и убивает взаимопочтение. Люди готовы за деньги голосовать за кого угодно, не верят в бога, вот у нас рядом с домом был костел, теперь там отель. Создаются однополые браки, иметь детей не хотят,

⁹ Макиавелли – итальянский мыслитель, философ, писатель, политический деятель

¹⁰ Пражак – житель Праги

а заводят кошечек и собачек. И это ты называешь свободой? У наших людей нет точки консолидации, а у вас монарх – это гарант власти. Не может кухарка создать скрипку Страдивари или спроектировать Крымский мост, но она может готовить вкусные обеды, так пусть этим и занимается, и пусть не лезет в управление государством. Дворяне испокон веков стояли на службе государевой. Да есть и среди них бездари, но в целом это фундамент общества и нельзя подрывать его этим динамитом – абсолютной свободы. А в углу фундамента стоит царь – помазанник божий, даже если он ошибается, это провидение, значит так угодно богу. И такую устойчивую конструкцию нельзя заменить на какого-то президента и его парламент.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.